

ДОНСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ

ВЪДОМОСТИ

ВЫХОДЯТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ.

Подписка принимается въ Редакціи, при Донской семинаріи въ Новочеркасскѣ. Цѣна годовому изданію въдо­ мостей 3 р. 37 съ полов. к., а съ доставкою и пересылкою 4 р. серебромъ.

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ

№ 10 1878 г. 15-го МАЯ.

ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ВЫСШАГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Высочайшія награды и назначенія.

Именнымъ Высочайшимъ указомъ, даннымъ Святѣйшему Правительствующему Синоду 16 сего апрѣля, Архіепископу моголевскому Евсею Всемиловитѣйше повелѣно быть членомъ Святѣйшаго Синода, съ оставленіемъ при управленіи ввѣренною ему епархіей.

—Высочайшими грамотами, данными 16 апрѣля сего 1878 года, Всемиловитѣйше соизричлены къ Императорскимъ орденамъ: 1) Св. Равноапостольнаго князя Владиміра первой степени, Высокопреосвященный Евсеій, Архіепископъ тверскій и кашинскій; 2) Св. Благовѣрнаго Великаго князя Александра Невскаго—Высокопреосвященный Антоній, Архіепископъ казанскій и свѣяжскій 3) Св. Равноапостольнаго князя Владиміра второй степени большаго креста—Преосвященные: Θεодосій, Епископъ вологодскій и устюжскій, Палладій, Епископъ рязанскій и зарайскій, Θεоктистъ,

Епископъ симбирскій и сызранскій, и предсѣдатель совѣта одесскаго женскаго епархіальнаго училища, заслуженный профессоръ Императорскаго новороссійскаго университета, протоіерей Михаилъ Павловскій; 4) Св. Анны первой степени Преосвященные: Іоаннъ, Епископъ чигиринскій, Викарій кievской епархіи, Веніаминъ, Епископъ острогожскій, Викарій лоронежской епархіи, Поликарпъ, Епископъ балахнинскій, Викарій нижегородской епархіи; Веніаминъ, еп. Сумскій, викарій Харьковской епархіи, главный священникъ кавказской арміи, протоіерей Стефанъ Гумилевскій и протоіерей военной церкви города Ташкента Андрей Маловъ.

—Именными Высочайшими указами, данными Святѣйшему Правительствующему Синоду 16 сего апрѣля, Епископы: иркутскій—Веніаминъ и Полтавскій—Іоаннъ Всемилостивѣйше возведены въ санъ Архіепископа.

—Именнымъ Высочайшимъ указомъ, даннымъ капитулу Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ орденовъ, 16-го сего апрѣля, Епископы: камчатскій курильскій и благовѣщенскій—Мартиніанъ, старорусскій—Варсонофій и екатеринбургскій—Модестъ Всемилостивѣйше сопричислены къ ордену Святаго Владиміра 3-й степени.

—Государь Императоръ, во вниманіе къ отлично-усердному служенію протоіереевъ: ректора казанской духовной академіи Александра Владимірскаго и настоятеля посольской церкви въ Парижѣ Василя Прилежаева, Всемилостивѣйше соизволилъ, 16 сего апрѣля, пожаловать имъ митры изъ Кабинета Его Императорскаго Величества.

Государь Императоръ, въ 6 день сего Апрѣля, Высочайше соизволилъ утвердить всеподданнѣйшіе доклады св. Синода обитіи епископу можайскому *Амвросію*-епископомъ Дмитровскимъ, первымъ викаріемъ московской епархіи; а экстраординарному профессору московской духовной Академіи, архимандриту *Алексію*—епископомъ можайскимъ, вторымъ викаріемъ той-же епархіи.

Отъ 8—19 февраля 1878 года, за № 199, о Высочайше утвержденномъ мнѣніи Государственнаго Совѣта объ увеличеніи пенсіоннаго кредита духовнаго вѣдомства на 9,536 рублей.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложеніе Господина Синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 27 Января 1878 года за № 1173, о томъ, что Государственный Совѣтъ, разсмотрѣвъ представленіе объ увеличеніи кредита на производство пенсій и пособій священнослужителямъ епархіальнаго вѣдомства и прихавъ въ соображеніе, что для увеличенія кредита (326,395 руб. 36 коп.), опредѣленнаго на производство пенсій и единовременныхъ пособій священнослужителямъ епархіальнаго вѣдомства и ихъ семействамъ, по опредѣленію Святѣйшаго Синода, установлено производить ежегодно двухпроцентный вычетъ изъ жалованья причтовъ нѣкоторыхъ церквей холмско-варшавской епархіи, всего въ количествѣ 9,536 рублей въ годъ, мнѣніемъ положилъ: представить Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода, по сношеніи съ министромъ Финансовъ, увеличить пенсіонный кредитъ духовнаго вѣдомства причисленіемъ къ оному означенной суммы девяти тысячъ пяти сотъ тридцати шести рублей, и что Его Императорское Величество означенное мнѣніе Государственнаго Совѣта, въ 10 день Января сего года, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить. И, по справкѣ, приказали: объ изъясненномъ Высочайше утвержденномъ мнѣніи Государственнаго Совѣта напечатать въ журналѣ „Церковный Вѣстникъ“.

Епархіальныя извѣстія.

Праздныя мѣста.

При новоустроенной и освященной церкви поселка Царицынско-Бузиновскаго, Качалинскаго благочинія, настоятельское и псаломщицкое. Желавшіе перемѣститься на эти мѣста могутъ теперь же подать о томъ прошенія Его Высокопреосвященству.

Псаломщиція: при Знаменской церкви Зотовской станицы и при Казанской церкви Баклановской станицы, Цыплянскаго благочинія.

Свѣдѣнія Правленія Новочеркасскаго духовнаго училища.

О Т Ч Е Т Ъ

• приходъ, расходъ и остаткъ суммъ по содержанию Ново-черкасскаго духовнаго училища Донской епархіи за 1877 годъ.

П р и х о д ъ .				
Статьи прихода.	Ассигнова- но по смѣтѣ на 1877 г.		Дѣйстви- тельно по- ступило.	
	Руб.	Коп.	Руб.	К.
Отъ 1876 года оставалось налич- ными деньгами: штатной суммы отъ разныхъ статей экономіи	—	—	486	32
Экстраординарной изъ средствъ ок- ружнаго духовенства	—	—	724	29
Въ билетахъ Донскаго Приказа Приз- рѣнія на капиталъ окружнаго духовен- ства	—	—	2145	—
Благотворительный капиталъ	—	—	500	—
Итого.	—	—	3855	61
Къ тому въ 1877 году поступило:				
А. Штатной суммы:				
1) По смѣтѣ, утвержденной Св. Синодомъ	10,363	40	—	—
Изъ станично и церковно-свѣчнаго капитала	—	—	4821	38
Изъ церковно-слободскаго свѣчнаго капитала	—	—	4056	70
Отъ продажи вѣнчиковъ и листовъ разрѣшительной молитвы	—	—	1125	—
Менѣе противъ смѣтнаго назначенія на 360 р. 32 коп., потому что Дон- ской Консисторіею, въ силу Высочай- ше утвержденного 8 Іюля 1868 года				

П р и х о д ъ.

Состояніе въ началѣ и въ концѣ года.	Ассигновано по смѣтѣ на 1877 г.		Дѣйстви- тельно посту- пило.	
	Руб.	Коп.	Руб.	К.
опредѣленія свѣтѣйшаго Синода, заче- но наличныхъ остатковъ отъ 1876 года 360 р. 32 коп. серебромъ.				
Изъ специальныхъ средствъ Св. Синода				
2. Сверхъ смѣты:				
1. На выдачу пособия ученику армей- скаго вѣдомства изъ Хозяйственнаго Управленія при Св. Синодѣ отъ 9 февраля 1877 года за № 1468 .			160	—
2. Согласно указу Св. Синода отъ 19 мая 1873 г. за № 1734 на со- держаніе училищнаго дома, въ кото- ромъ имѣетъ зременное мѣстожитель- ство Преосвященный Викарій Донской епархіи			800	—
Б. экстраординарный изъ средствъ окружнаго духовенства.				
1) По библиотекѣ учебниковъ и ученической			317	82
Въ число сей суммы 317 р. 82 к. поступило: а) за проданные учебники 256 р. 82 к. б) отъ Высокопреосвя- щеннаго Платона бывшаго Донскаго 20 руб. в) отъ духовенства Большо- нскаго благочинія 8 р. и г) отъ вновь поступившихъ въ училище учениковъ 33 руб.			800	
2) Взносы на нужды училища .			522	30

П р и х о д ъ.

Статьи Прихода.	Ассигнова- но по смѣту на 1877 г.		Дѣйстви- тельно по- ступило.	
	Руб.	Коп.	Руб.	К.
<p>Въ число сей суммы 522 р. 30 к. поступило: а) за право обученія въ училищѣ свѣтскихъ учениковъ 232 р. 50 к., б) процентовъ на запасный капиталъ 61 р. 80 к., в) отъ продажи старой классной мебели 28 р. и г) билетъ Донскаго Приказа Призрѣнія на запасный капиталъ 200 р.</p>	—	—	223	44
<p>3) Въ пользу бѣдныхъ учениковъ. Въ число сей суммы 223 р. 44 к. поступило: а) отъ духовенства Каменскаго благочинія 115 руб., б) тожъ Митягинскаго 28 руб. 19 коп., в) процентовъ на благотворительный капиталъ 56 руб. 25 коп. и г) тожъ на запасный капиталъ 24 руб.</p>	—	—		
<p>Всего въ 1877 г. въ приходѣ.</p>	—	—	12,146	64
<p>А съ остаточными отъ 1876 года.</p>	—	—	16,002	25

Р а с х о д ъ.

Статьи расхода.	Ассигнова- но по смѣтѣ на 1877 г.		Дѣйстви- тельно употреблено въ расходѣ.	
	Руб.	Коп.	Руб.	К.
А. Штатной суммы:				
1. по смѣтному назначенію:				
§ 1 На содержаніе лицъ управленія, учащихъ и надзирателей	6363	40	6363	40
§ 2 На содержаніе воспитанниковъ. Остатокъ 305 руб. употребленъ на покрытіе неизбѣжныхъ расходовъ по	2250	—	1945	—
§ 3 сего отчета.				
Содержаніе воспитанника армейскаго вѣдомства Федора Скворчевскаго	120	—	120	—
3 §. п. 1, Ремонтъ, содержаніе дома и прислуга, отопленіе, освѣщеніе, на канцелярскія и другія потребности.	1350	—	1691	5
2) На содержаніе библіотеки и вы- писку періодическихъ изданій	100	—	100	—
§ 4 п. 2 Содержаніе больницы и медикаменты	300	—	227	10
Въ остаткѣ на лицо 36 руб. 85 коп., а 36 руб. 5 коп. употреблены на покрытіе расходовъ по § 3 сего отчета.				
II Сверхъ смѣты:				
1 На выдачу пособія ученику армей- скаго вѣдомства Самуилу Скворчевскому.	160	—	160	—
2 Согласно указу св. Синода отъ 19 мая 1873 г. № 1734 на содер- жаніе училищнаго дома, въ которомъ имѣетъ временное мѣстожителство Пре- освященный Викарій Донской епархіи.	800	—	800	—
3 Согласно указу св. Синода отъ 14 октября 1873 г. № 41 на устройство добавочныхъ клас. партъ пов. образца.	—	—	126	—

Р а с х о д ъ .

Статья и расход.	Ассигнова но по смѣтѣ на 1877 г.		Дѣйстви- тельно употреблено въ расходѣ.	
	Руб.	Коп.	Руб.	К.
Б. Экстраординарной суммы изъ средствъ окружнаго духовенства.				
1. По библиотекѣ учебниковъ и ученической	856	30 ¹ / ₄	164	84
Въ остаткѣ на лицо по сей статьѣ 691 р. 46 ¹ / ₄ коп.				
2) Изъ взносов на нужды училища.	508	10 ³ / ₄	430	15
Въ остаткѣ на лицо 77 руб. 95 ³ / ₄ к.				
3) Изъ суммы въ пользу бѣдныхъ учениковъ	223	44	175	
Въ остаткѣ на лицо 48 руб. 44 к.				
Всего въ 1877 г. въ расходѣ.	—	—	12302	54
А за исключеніемъ сего расхода изъ суммы, показанной въ приходѣ къ 1878 году въ остаткѣ	—	—	3699	71
Остатокъ сей составляютъ слѣдующія суммы:				
Въ 4 билетахъ Донскаго Приказа Призрѣнія на 2345 р.				
Благотворительнаго капитала 500 р.				
Наличными деньгами:				
А. штатной суммы по § 4—36 р. 85 к.				
Б. экстраординарной суммы. по п. 1—691 р. 46 ¹ / ₄ к.				
п. 2— 77 р. 95 ³ / ₄ к.				
п. 3. 48 р. 44 к.				
Всего 3699 р. 71 к.				

Смотритель училища Семень Мшанецкій
Помощникъ смотрителя, священникъ Аонасій Грачевъ.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

С Л О В О

въ недѣлю Ваи,

сказанное Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Александромъ, Архіепископомъ Донскимъ и Новочеркасскимъ.

Святая церковь воспоминаетъ нынѣ одно изъ славныхъ и торжественныхъ событій въ жизни Богочеловѣка. За 6 дней до Пасхи, четвертой и послѣдней въ земной жизни своей Господь нашъ І. Христосъ, по пути изъ Вифаніи, гдѣ онъ воскресилъ умершаго Лазаря, возсѣлъ на приведеннаго Апостолами молодого осла и направилъ шествіе свое къ Іерусалиму. Многочисленный народъ восторженно встрѣчалъ и сопровождалъ Его, какъ Мессію; дорогу устилали Ему одеждами и древесными вѣтвями; передъ Нимъ и за Нимъ, какъ Побѣдоноснымъ царемъ, несли пальмовыя вѣтви и восклицали: „Осанна Сыну Давидову! Благословенъ Грядый во имя Господне! Осанна въ вышнихъ,“ т. е. спасеніе отъ сына Давидова, или помощи, спаси Всевышній. Воскликанія сіи повторили во храмѣ Іерусалимскомъ дѣти еврейскія, согласно съ пророчествомъ Давида, изрекшаго: *изъ устъ младенцевъ и сосущихъ или грудныхъ совершилъ еси хвалу.* (Пс. 8, 3.)—Къ довершенію торжества Богъ Отецъ гласомъ съ неба свидѣтельствовалъ о Сынѣ своемъ, что Онъ Его прославилъ и паки прославить. (Іоан. XII, 1—36.). Безсильною оказалась при семъ зависть архіереевъ и злоба негодующихъ фарисеевъ. Такъ торжественно послѣдовало шествіе І. Христа въ Іерусалимъ; такъ то величествененъ былъ входъ Мессіи—Избавителя во храмъ! Казалось, слава І. Христа упрочилась на землѣ. Народъ Іудейскій усердно

призналъ Его своимъ ожидаемымъ Мессією, преклоняется предъ Нимъ, какъ своимъ царемъ—освободителемъ.

И чтоже?—Этотъ самый народъ, который съ такой радостію привѣтствовалъ грядущаго Мессію, который видѣлъ и испыталъ Его безчисленные чудеса, который благоговѣнно внималъ во храмъ Его божественнымъ притчамъ,—этотъ народъ чрезъ 5 дней послѣ сего съ неистовствомъ вопіеть предъ Пилатомъ: „возми, распни Его, распни сего Божественнаго Учителя, Спасителя и Чудоворца,—а отпусти намъ Варавву-мятежника, убійцу!“—Не странно ли такое противорѣчіе? Удивительное непостоянство, жалкое ослѣпленіе!

И кто изъ насъ не отнесется къ такой толпѣ съ справедливымъ осужденіемъ, глубокимъ негодованіемъ и презрѣніемъ?

Но, братіе, не замѣчается ли и у насъ подобное непостоянство? не такъ ли часто и нынѣ мѣняются мнѣнія и приговоры людскіе? Тверды ли и наши убѣжденія, особенно религіозныя? Всегда ли вѣра наша бываетъ безъ колебаній и сомнѣній? Такова ли любовь къ Господу Иисусу, что она всегда и вездѣ Его одного ищетъ, къ Нему одному—Создателю и Спасителю нашему стремится, такова ли, что не только чрезъ 5 дней, а и чрезъ 5 часовъ не забудетъ Его, не предпочтетъ никому и ничему?—Съ усердіемъ, повидимому, собираемся мы въ храмъ Божій, благоговѣнно внимаемъ молитвенному Богослуженію, готовы, пожалуй, сказать, что любимъ Бога, истинно почитаемъ и славимъ Его.—Но долго ли продолжается такое благочестивое настроеніе, такое благоговѣнное расположеніе духа?—Вышли изъ храма—и мысль о Господѣ уже не занимаетъ насъ. Представится случай развлеченія, разсѣянности, и мы, забывъ о своемъ Спасителѣ, всецѣло предаемся земнымъ удовольствіямъ, всецѣло служимъ разнымъ грѣховнымъ привычкамъ и страстямъ своимъ, не думая о томъ, что такимъ служеніемъ безмѣрно оскорбляемъ Господа и какбы отвергаемся отъ Него!

Отъ чего же происходитъ это? Гдѣ искать причинъ такого грустнаго явленія? Одна изъ главныхъ причинъ нравственно-рели-

гіознаго непостоянства нашего благочестія заключается въ шаткости нашихъ убѣжденій, въ нетвердости нашей вѣры. — Нельзя, конечно, сказать, чтобъ мы не вѣровали въ І. Христа. Нѣтъ, мы вѣруемъ; но вѣра наша довольно поверхностна, не проникнута сердечнымъ, сознательнымъ убѣженіемъ въ истинахъ религіозныхъ вѣрованій; вѣра наша не входитъ въ самую жизнь нашу, не обращается, такъ сказать, въ существо нашего духа. — Мы вѣруемъ, но мало заняты предметами своей вѣры, не даемъ себѣ полного и яснаго отчета въ своихъ вѣрованіяхъ. Оттого вѣра наша не составляетъ для насъ жизненнаго вопроса и является въ дѣятельности нашей чѣмъ-то внѣшнимъ, — хотя и обязательнымъ, но несущественнымъ началомъ, а потому и не приноситъ животворныхъ плодовъ. При такой слабой вѣрѣ, какбы чуждой нашему сердцу, можно ли имѣть сильную, пламенную любовь къ Спасителю нашему? — а безъ любви къ Богу не можетъ быть и постоянства въ слѣдованіи за Нимъ, въ неуклонномъ соблюденіи заповѣдей Его!

Такъ, если бы мы истинно, т. е. съ полнымъ сознаніемъ и убѣженіемъ вѣровали, то также искренно любили бы Господа, и, любя Его, старались бы дѣлать только угодное Ему, старались бы внимать Божественному Его ученію и осуществлять оное въ жизни своей. Любя Господа, мы непрестанно думали бы о Немъ, обращались къ Нему всѣмъ сердцемъ и въ Немъ одномъ полагали бы свои радости, свои надежды, все свое благо. При твердой вѣрѣ и искренней любви къ Богу, не было бы и того непостоянства въ благочестіи, какое замѣчается теперь. Любовь къ Господу и Его ученію заставила бы насъ и всю жизнь свою располагать по вѣрѣ, т. е. всегда дѣйствовать согласно съ ученіемъ Евангельскимъ и удаляться отъ всѣхъ дѣлъ, противныхъ заповѣдямъ Бога.

Отъ чего народъ Іудейскій, съ торжествомъ встрѣтившій Іисуса Христа въ Іерусалимѣ, чрезъ нѣсколько дней отвергся отъ Него? — Отъ того, что самъ не составилъ себѣ яснаго, опредѣленнаго понятія о лицѣ

Мессіи; отъ того, что самъ не постарался точнѣе узнать Иисуса, а руководился въ сужденіяхъ отзывами и примѣромъ фарисеевъ, по гордости и зависти ненавидѣвшихъ Христа. — Не тоже ли бываетъ и нынѣ? — Не отъ того ли и теперь многіе вооружаются противъ истинъ св. Вѣры, что не знаютъ оныхъ, не стараются понять ихъ, уяснить себѣ? — Не отъ того ли, что слѣдуютъ чуждымъ внушеніямъ, увлекаются примѣрами другихъ, по гордости и неразумному ослѣпленію отвергающихъ св. Вѣру? Твердость вѣры основывается на сознательномъ сердечномъ убѣжденіи въ истинности исповѣдуемой нами Религіи; а такое убѣжденіе приобрѣтается чрезъ полное, а не поверхностное, знаніе истинъ Вѣры.

Къ такому отчетливому и основательному знанію вѣры Христовой лучшимъ средствомъ служить внимательное слушаніе и чтеніе слова Божія, а вмѣстѣ и собственное размышленіе, соединяемое съ молитвеннымъ обращеніемъ къ Богу объ озареніи свыше свѣтомъ истины. Для сего между прочимъ Церковь всю наступающую недѣлю посвящаетъ чтенію св. Евангелія. Къ этому вѣчно живому и неисчерпаемому источнику Божественной истины и должны обратиться для укрѣпленія себя въ вѣрѣ, должны имѣть усердіе къ чтенію, вниманіе къ слушанію св. Евангельскихъ истинъ. Благодать же Божія да восполнитъ недостатокъ нашей вѣры и подастъ намъ силы къ провозженію жизни, согласной съ Вѣрою. Аминь.

С Л О В О

въ день рожденія Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича, сказанное 17 апрѣля 1878 года.

Господи силою Твоею возвеселится царь, и о спасеніи Твоемъ возрадуется зѣло. Пс. 20; 1 ст.

Въ день рожденія Благочестивѣйшаго Государя нашего, посвященный общественной молитвѣ за Него, каждый вѣрный сынъ

Россіи, безъ сомнѣнія отъ всей глубины души вознесеть молитву ко Господу, да приложитъ Онъ дни на дни цареви и мѣта Его до дне рода и рода (Пс. 60; 7), да возсіяетъ во днехъ Его правда и множество мира! (Пс. 71, 7 ст).

Такая молитва за Царя нашего не есть только предписаніе долга, а живое требованіе благодарнаго сердца: можемъ ли мы не молиться за Него усердно, отъ всей души, когда не только каждый годъ, а можно сказать, каждый день Его царствованія принести намъ новыя и новыя благодѣянія мира, свободы, свѣта науки и внутренняго благоустройства?

Поэтому, братіе, мы увѣрены, что сердце каждаго изъ васъ и само собою подвигнетъ его душу и языкъ на молитву о Царѣ нашемъ; мы только считаемъ необходимымъ сказать, что сердечная благодарность, въ какой бы формѣ она ни выражалась, не есть еще полная благодарность, что кромѣ благодарности въ сердцѣ—чувствомъ, есть еще благодарность въ жизни *дѣломъ*, какъ необходимое, осязательное дополненіе благодарности сердечной. Чѣмъ же въ своей жизни—дѣятельности мы можемъ по достоинству возблагодарить своего возлюбленнаго Монарха за все благо, *яже даде намъ Господь Богъ* во дни Его счастливаго для насъ царствованія?

Конечно тѣмъ, что есть въ насъ самаго высокаго и цѣннаго: Божественною силою, явленною въ насъ Христомъ Спасителемъ нашимъ, Его спасеніемъ, надлежащимъ образомъ воспринятымъ и усвоеннымъ нами, словомъ, своимъ *искреннимъ, дѣятельнымъ Христіанствомъ*. Это христіанство, являемое, въ надлежащей полнотѣ, въ жизни подданныхъ, составляетъ лучшее веселіе христіанскаго Монарха и высшую радость для ихъ отечества, а вмѣстѣ и вѣрнѣйшій залогъ его прочности, мощной силы и не сокрушимаго величія.

По мнѣнію людей міра сего, едвали кто можетъ быть менѣе пригоденъ для дѣлъ общественныхъ, какъ христіане въ строгомъ

смыслъ сего слова—люди не отъ міра сего; но такое ошибочное мнѣніе о христіанахъ коренится или въ нежеланіи видѣть предметъ въ его истинномъ свѣтѣ, или составляется чрезъ наблюдение надъ людьми, носящими только имя христіанъ, а силы и духа христіанскаго въ себѣ не имѣющихъ.

Что такое Христіанинъ? Христіанинъ есть человѣкъ, принадлежащій Христу всеѣмъ существомъ своимъ, по выразительному слову св. Апостола, облекшійся во Христа. Онъ Христовъ—по всецѣлому послушанію Христу Спасителю его ума, Христовъ—всеѣми привязанностями къ Нему своего сердца; Христовъ—по духу жизни, движущему его волю.

а) Истинный христіанинъ, какъ мы сказали, принадлежитъ Христу Спасителю послушаніемъ Ему своего ума, послушаніемъ полнымъ, всецѣлымъ. Такое послушаніе, съ одной стороны, не знаетъ перерыва во времени т. е. оно постоянно, не знаетъ колебаній и ослабленія въ силѣ и обнимаетъ все разумныя способности христіанина; съ другой оно оазывается христіаниномъ исключительно Христу Спасителю и только Ему одному, и именно: въ области вѣры, съ предметами міра не видимаго, духовнаго, въ области жизни—съ ея тайнами, и наконецъ—при оцѣнкѣ относительнаго достоинства благъ временныхъ и вѣчныхъ. Въ этой области, повторяемъ, у Христіанина только одинъ учитель Христосъ Богъ, (Мат: 23; 8—12) его *путь, истина и животъ* (Іоан. 14; 6). Отъ этого то истинный христіанинъ есть по преимуществу человѣкъ убѣжденій, и убѣжденія его съ одной стороны, непорочны, святы, чисты, запечатлѣны характеромъ Божественнаго величія, съ другой—прочны, постоянны, неизмѣнны какъ Христосъ, который *вчера и днесъ, тойжде и во вѣки*. Ни духъ времени и общества, ни авторитеты земной мудрости, ни гнетущая сила обстоятельствъ, словомъ, ничто ихъ не колеблетъ, ничто не разрушаетъ; христіанинъ вѣренъ имъ во всехъ положеніяхъ, при всехъ перемѣнахъ своей жизни; онъ лучшая часть его существа, а потому онъ съ ними живетъ, съ ними

ати умираеть. Но что—спросите—для общества и моего многоза-
 ботной жизни есть этого достоинства христіанина, он составляю-
 щаго украшеніе его сокровеннаго челоуѣка? Много, да и очень
 оямно. Въ этомъ сокровенномъ достоинствѣ христіанской души
 жоренится, и на немъ зрѣтъ и возрастаеть, да многоплодная, да какъ
 въ прекрасномъ вѣтвистомъ деревѣ, *честность*, да такъ желательная въ
 въ каждомъ гражданинѣ, кто бы онъ ни былъ, и гдѣ бы онъ ни
 дстоялъ; да честность, которая не способна не только на такіа
 да грубыя проявленія лжи и неправды, какъ хищеніе, обманъ, мздо-
 имство; но и на такіа тонкіа какъ вилость, да двоедушіе, да хитрая
 да уклончивость и т. п. подл., которая, не только въ жизни, да чести и
 да добромъ имени ближняго, да да же и въ его собственности видять
 да святую, неприкосновенную для себя, для которой правда состав-
 ляеть такую же потребность, да какъ хлѣбъ, вода, да воздухъ и теп-
 ло—для да тѣла нашего, да да неправда, да да неумышленно содѣянная
 да въ отношеніи ближняго, да да тяжелое горе жизни, да да отравляетъ
 да да лучшихъ радостей. Да Напрасно иногда думаютъ, да что такая чест-
 ность можетъ воспитаться на иной почвѣ, да не на почвѣ
 да да святыхъ христіанскихъ убѣжденій. Правда, истинная наука можетъ
 да да сообщить извѣстную степень возвышенности, благородства и мягкости
 да да чувствамъ и стремленіямъ челоуѣка; да да подъ да влияніемъ такихъ
 да да чувствъ и стремленій можетъ сложиться довольно возвышенное понятіе
 да да чести и правдѣ, но такое понятіе никогда не можетъ возвыситься
 да да до идеальной высоты евангельскаго ученія о сихъ предметахъ.
 Да Да да: истинное образованіе можетъ поддерживать въ душѣ да че-
 лоуѣка теплое да желаніе честной, непорочной жизни, да да не дааетъ
 да да силъ быть да честнымъ; отъ того да да обыкновенная челоуѣческая
 да да честность, да не имѣющая для себя питания въ вѣчныхъ, евангель-
 да да ственныхъ да обѣтованіяхъ, да да остается да не да поколебимую только до тѣхъ
 да да поръ, пока поддерживается да побужденіями да да выгоды, да да чести, да да удоволь-
 да да ствіа въ да да всего да да разнообразнѣйшихъ видахъ; коль же скоро да да встрѣ-
 да да чается да да съ да да опасностію да да однихъ да да тяжелыхъ утратъ, да да лишеній, да да скорбей,
 да да безславія, да да позора, да да народнои да да неблагодарности, да да она да да слабѣеть

вию въ изнеможеніи падаетъ. И это совершенно естественно, какъ естественно замереть дереву, росшему на сочной почвѣ, по перенесеніи его на почву сухую, каменистую: въ годину тяжелыхъ испытаній, обыкновенная человѣческая честность, съ потерю всѣхъ земныхъ побужденій, лишается всякаго питанія, и какъ все живое, безъ питанія, должна умереть. Честность христіанская лишится своего обычного питанія, ни при какихъ условіяхъ жизни, не можетъ. Представимъ себѣ христіанскаго праведника въ самомъ тяжеломъ положеніи, какое знаетъ человѣческое сердце, въ состояніи полного отверженія человѣческимъ обществомъ, позора, одиночества, — одинокъ ли онъ? Нѣтъ, не одинокъ: съ нимъ неотлучно его Милосердный Спаситель, сонмы святыхъ ангеловъ и свят. человѣковъ; они слышатъ его стоны, раздѣляютъ съ братскимъ соучастіемъ болѣзнь его сердца.

(б) Христіанинъ принадлежитъ Христу Спасителю глубочайшими привязанностями своего сердца. Какъ дитя, въ первые годы его жизни, всю свою душу обращено къ матери, раздѣляетъ съ нею всѣ перемѣны ея жизни и переживаетъ ихъ въ самомъ себѣ; такъ христіанинъ, рожденный въ таинствѣ с. Крещенія для жизни во Христвѣ, продолжаетъ усвоить себѣ эту жизнь до самой смерти. Евангельское сказаніе о жизни Спасителя для него не есть только простая исторія, усвоенная памятью, а живая дѣйствительность, переживаемая сердцемъ. И радости тихаго дѣтства, проведеннаго Христомъ въ Назаретѣ, и труды непрерывныхъ переходовъ Его изъ города въ городъ, изъ веси въ весь, со всѣми ихъ лишениями, голодомъ и жаждою; и упорное невѣжество Иудейскаго народа, съ его неблагодарностію и злостною клеветою; и страданія въ саду Геосиманскомъ, на судѣ у первосвященниковъ и Пилата, со всѣми ужасами, которыми злоба умѣла обставить этотъ судъ, и муки крестныя, словомъ, всю жизнь Спасителя христіанинъ переживаетъ въ своей душѣ, своимъ сердцемъ, какъ жизнь своего Божественнаго Первообраза. Отъ того онъ крестоносець, воинъ, челоуѣкъ брани въ обширѣйшемъ и бла-

годнѣйшемъ смыслѣ этого слова, по самой своей христіанской природѣ. По самой этой природѣ онъ уготованъ на всякое дѣло благое, при выполнении котораго требуется выносливость, терпѣніе, стойкость, мужество, труды, лишения, выголодь, нижда. Этотъ духъ христіанскаго крестоношенія, и въ вѣдущихъ своихъ представителяхъ—святыхъ мученикахъ, ни предъ чѣмъ не блѣднѣлъ ни предъ кострами, ни предъ сѣкирами; онъ все выносилъ съ ангельскою кротостію и съ молитвою на устахъ за своихъ мучителей. . . . Неправдали, облагоч. слушатели, что этотъ духъ есть духъ, все преодолѣвающій? Какое можно указать служебное поприще, котораго не могъ бы, съ честію и несомнѣнною пользою для своей родины, начать и пройти человѣкъ такого характера, если только онъ приготовленъ къ нему обученіемъ? Въ современныхъ общественныхъ дѣятеляхъ, вмѣстѣ съ древностію и горячностію къ дѣлу нерѣдко замѣчаемъ какую-то нетерпѣливость, раздраженіе и затѣмъ утомленіе. Какъ нерѣдко приходится слышать потѣшихъ жалобы на непониманіе, недостатокъ сочувствія, тупость и неблагодарность толпы, и за тѣмъ видѣть малодушное бѣгство съ служебнаго поприща, иногда даже при самомъ началѣ его! Между тѣмъ, въ большей части случаевъ, это люди науки, люди знанія, чего не доставало имъ? Самоотверженно—терпѣливого христіанскаго характера. . . . Христіанинъ, и берущійся за дѣло воздвима Христа, и совершающій дѣло для славы Его имени, не отступить отъ дѣла, какъ бы оно ни было трудно; множество противниковъ, сила враговъ не приведутъ его къ малодушному страху и унынію; онъ знаетъ, что трудится для славы своего Спасителя, и что этотъ Спаситель всѣхъ, паче же дѣлателей вѣрныхъ Ему, никогда и ни въ чемъ не оставитъ. . . .

с) Наконецъ—христіанинъ Христовъ по духу жизни, движущему его волю. Какъ розга, растущая на своей плосѣ, получая отъ нея жизненные соки, приноситъ плоды по роду своему; такъ и христіанинъ, питаясь словомъ Спасителя, и плотию и кровію Его, возноситъ въ міръ Божій прекраснѣйшій и величавѣйшій

плоды, какой только знает міръ — христіанскую любовь. Любовь къ падшему челоѣчеству есть основная, глубочайшая черта Спасителя, любовь къ людямъ есть основная черта истиннаго христіанина, составляющая вѣнецъ его совершенствъ... Нужно ли говорить о цѣнности этой любви въ благоустроеніи челоѣческихъ обществъ? Если бы мы, обратившись къ исторіи, взвѣдумали перечислить все, что эта любовь внесла истинно челоѣчанаго въ семейный, сословный и общественный бытъ людей, что она сдѣлала для всего слабаго и малосильнаго, какъ то: вѣнщины, сироты и раба; изъ какого угнетеннаго, оприверженнаго положенія она воспріяла ихъ въ свое попеченіе и какую выдержала по истинѣ исполинскую борьбу, особенно изъ — за послѣдняго, т. е. раба, для возвращенія ему свободы и правъ челоѣческихъ, если бы — далѣе — мы стали перечислять всѣ благотворительныя учрежденія, которыми эта любовь усѣяла лице земли, для призрѣнія калѣчества во всѣхъ его видахъ, нищихъ, больныхъ, сиротъ, престарѣлыхъ; то едва ли бы мы могли привести къ концу свое слово не только въ какой-либо часъ времени, но и въ болѣе продолжительные сроки онаго. А потому предоставляемъ этой любви самой себя изобразить словами, вылившимися изъ любвеобильнаго сердца Апостола: *любовь, говоритъ онъ, (Кор. 13; 4—7.) долготерпитъ, милосердуетъ, любовь не завидуетъ, любовь не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своего, не раздражается, не мыслитъ злы, не радуется о неправдѣ, и сорадуется истинѣ; все покрываетъ, всему вѣритъ, всего надѣется, все переноситъ.* Кто не видитъ, что христіанской любви принадлежитъ могущество въ дѣлѣ порядка, объединенія общественныхъ силъ и направленія ихъ къ одной главной цѣли всѣхъ челоѣческихъ обществъ, къ ихъ временному и вѣчному благополучію? ..

Братіе христіане! Въ концѣ слова возвратимся на минуту къ началу его. Начиная слово, мы сказали, что отъ своего Возлюбленнѣйшаго Монарха мы получили блага мира и свободы, свѣтъ

науки и внутренняго благоустройства. Не правда ли, что все это мы имѣемъ, а между тѣмъ чувствуемъ, осизательно чувствуемъ, что намъ все чего то недостаетъ? Чего же недостаетъ? Все укрьпляющаго, все созидающаго и связующаго, все животворящаго христіанскаго духа. Кто же можетъ внести этотъ оплодотворящій духъ въ дары, которыми мы пользуемся? Мы съ вами и болѣе никто. Станемъ же христіанами не по имени только, а самымъ дѣломъ. Этимъ мы сослужимъ самую лучшую службу царю, престолу и отечеству.

Миринской церкви, Донскаго института, Протоіерей Григорій Прозоровскій.

II.

Понятіе о совѣсти съ психологической стороны.

Разборъ различныхъ понятій о совѣсти.—Положительное понятіе о ней.—Несостоятельность ученія о совѣсти Дарвина.—Заключение

„Ты, скажемъ словами Канта, предъ которой всѣ страсти молчать, не смотря на тайный ропоть, гдѣ твое начало?“—И, прежде всего, можно ли отождествлять совѣсть съ нравственнымъ сознаніемъ? „Сознаніе, говоритъ Ульрици, не есть особое пространство, въ которое являются представленія, къ которому стремятся онѣ и изъ котораго онѣ стараются вытѣснить другъ друга,—оно есть только результатъ сравнивающей и различающей дѣятельности.“ Следовательно, сознаніе есть не болѣе, какъ психическое состояніе, являющееся вслѣдъ за извѣстнымъ актомъ сравненія, различія, сопоставленія и т. п. Потому-то Ульрици и говорить, что мы, не имѣя власти надъ своими ощущеніями и чувствованіями, можемъ при посредствѣ вниманія и силы воли измѣнять содержаніе сознанія,—удалять изъ него извѣстныя представленія и вводить новыя, можемъ давать ему такое, а не иное направ-

леніе (*).—Такова ли совѣсть? Авторитетъ совѣсти въ нравственной жизни человѣка съ самыхъ древнихъ временъ составляетъ ея отличительную черту. Какимъ же образомъ согласить это съ только что приведеннымъ психологическимъ фактомъ, что мы можемъ измѣнять содержаніе нашего сознанія? Вѣдь допустить это по отношенію къ совѣсти значитъ признать, что человѣкъ можетъ по собственному произволу измѣнять содержаніе совѣсти и заставлятъ ее интересоваться только незначительнымъ, а на важные проступки не обращать вниманія. Но утверждать такимъ образомъ не значитъ ли отвергать дѣйствительность, такъ какъ достаточно и не глубокаго самонаблюденія, чтобы сказать: „мы не можемъ вызывать или удалять обнаруженій совѣсти по произволу,—онѣ овладѣвають нами помимо нашей воли.“ Въ этомъ случаѣ, болѣе уже согласно съ дѣйствительностію то мнѣніе, которое называетъ совѣсть чувствомъ и инстинктомъ, потому что и они подобно совѣсти возникаютъ независимо отъ нашей воли.—Далѣе, изъ природы сознанія прямо вытекаетъ то положеніе, что, направляясь къ познанію, сознаніе свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что *есть*, тогда какъ совѣсть говоритъ человѣку о томъ, что *должно быть*. И это „должно быть“, произносимое совѣстію бываетъ такъ не уловимо, такъ непосредственно по своему происхожденію, что нѣтъ никакихъ данныхъ называть его результатомъ какого либо акта мышленія. Это именно обстоятельство и заставило многихъ богослововъ называть совѣсть непосредственнымъ сознаніемъ или непосредственнымъ самосознаніемъ. Но такъ какъ „всякое сознаніе посредствуется нѣкоторымъ актомъ различающей дѣятельности,“ и слѣдовательно „строго говоря, нѣтъ непосредственнаго сознанія (**), то мы, значитъ, должны допустить, что требованіе совѣсти вытекаетъ изъ собственной ея природы. Можно думать, что эту именно

(*) Тѣло и душа. Ч. II. ст. 1, 279—378 стр.

(**) Скоттр. Ульрици, тѣло и душа—660 стр.

мысль выражаетъ и самый терминъ: *со-вѣсть*. (*) По нашему мнѣнію, прибавка „со“ (съ—) указываетъ на то, что совѣсти постоянно бываетъ присуще *вѣдѣніе* чего-то, что она является съ готовымъ уже вѣдѣніемъ, съ знаніемъ, которое потому самому есть не продуктъ сравнивающей и различающей дѣятельности, а существенный элементъ ея природы (**). При такомъ пониманіи дѣла вполне основательно можно назвать совѣсть источникомъ законосообразной дѣятельности для тѣхъ, которые не имѣютъ внѣшняго положительнаго закона. Впрочемъ, многіе моралисты, желая объяснить обязывающую силу голоса совѣсти, называютъ ее сознаніемъ нравственнаго закона. Но вѣдь сказать еще не значитъ доказать. Знаніе вообще не возможно безъ сознанія,—это психологическій фактъ. Теперь, положимъ, что предметъ моего сознанія есть „десятословіе“; размышляя о немъ, я очень хорошо понимаю всѣ нравственныя требованія, которыя содержатся въ немъ,—понимаю, что всѣ эти требованія должны быть осуществлены въ жизни. Такъ, но на какомъ же основаніи я долженъ думать, что онѣ обязательны именно *для меня*. Сознаніе передаетъ мнѣ только фактъ, т. е. ограничивается простымъ знаніемъ десятословія, а не дѣлаетъ его обязательнымъ для меня; значитъ, тотъ факторъ, который дѣлаетъ законъ обязательнымъ для меня, нельзя отождествлять съ сознаніемъ, такъ какъ сознаніе не имѣетъ обязывающаго элемента. Потому-то и обязательную силу десятословія признаютъ болѣе совѣстливые, а не болѣе развитые, чего бы слѣдовало ожидать при тождественности совѣсти и сознанія закона. Подобнаго пониманія совѣсти нельзя оправдать и отождеств-

(*) Другой, созвучный ему, терминъ „сознаніе“ указываетъ, какъ намъ кажется, на тотъ психологическій фактъ, что душа является съ знаніемъ послѣ того, какъ она познала что либо досель неизвѣстное ей. Это объясненіе подтверждается и тѣмъ обстоятельствомъ, что сознаніе есть необходимое условіе всякаго знанія.

(**) Повидимому эту же мысль высказываетъ и Ульрици, тѣло и душа

леніемъ ея съ сознаниемъ естественнаго нравственнаго закона. Ибо, въ такомъ случаѣ мы не въ состояніи будемъ объяснить того факта, когда человѣкъ только чувствуетъ совершенную имъ несправедливость, а не сознаетъ, — когда сознание несправедливости и, потому, сознание виновности въ известномъ поступкѣ основывается на чувствѣ. Вотъ примѣръ изъ обыденной жизни. Случай былъ въ Англіи. На одной желѣзнодорожной станціи стрѣлочникъ забылъ передвинуть рельсовыя стрѣлки; произошло столкновение двухъ поѣздовъ; нѣсколько человѣкъ убило и многихъ ранило (*).

„Какъ же вы забыли передвинуть стрѣлки и причинили такой несчастный случай?“ спрашивали стрѣлочника. „Я не знаю, отвѣчалъ Лизъ (такъ звали стрѣлочника): „я думаю, что я передвинулъ ихъ. Иначе не могло быть. Я зналъ, что поѣздъ придетъ, продолжалъ онъ, я видѣлъ, какъ подходилъ онъ... Если бы я не поставилъ стрѣлки, какъ должно, я бы объ этомъ непременно вспомнилъ тогда. Ясно, что вспомнилъ бы, но мнѣ не пришла эта мысль въ голову. Я стоялъ спокойно, какъ будто все было въ исправности, и потому я думаю, что я передвинулъ стрѣлки.“ Придя домой, „онъ всѣми силами, всѣмъ существомъ своимъ старался припомнить то дѣйствіе, которое, съ неумолимымъ упорствомъ не припомнилось ему.“ Нужно замѣтить, что этотъ стрѣлочникъ, въ продолженіи пяти лѣтъ ни разу не забывалъ передвинуть стрѣлки; ему казалось невозможнымъ, чтобъ онъ сдѣлалъ это теперь.“ Потому то сознание Лиза никакъ не хотѣло допустить настоящей ошибки. Вѣроятно, разсуждалъ онъ, припоминая свои занятія, я передвинулъ стрѣлки, когда переходилъ назадъ чрезъ путь. Я надѣюсь, что сдѣлалъ такъ, прибавилъ онъ послѣ минутнаго молчанія („Я не могъ войти себѣ въ голову мысли, говорить онъ въ другой разъ, что я забылъ передвинуть стрѣлки, какъ всегда это дѣлалъ; это было для меня невѣроятною вещію.“ Въ виду это-

(*) Отечеств. Записки 1874 г. Ноябрь. 38—39, 40—41 стран.

го обстоятельства (Лизъ, не смотря на общую молву, за которую приписывала ему небрежности и столкновение поѣздовъ, считалъ этотъ фактъ, необъяснимою для себя загадкою. «Между тѣмъ въ душѣ своей онъ испытывалъ сильнѣйшія мученія, которыя вызывались не страхомъ наказанія со стороны государственныхъ законовъ (*) и не признаніемъ собственной вины, такъ какъ признаніе не признавало этого факта; — нѣтъ, его мучило то безотчетное чувство, которое (помимо его воли и сознанія) говорило ему, что жизнь, убитыхъ при столкновеніи людей лежитъ на его совѣсти»; и которое, наконецъ, заставило его покориться общему голосу, что онъ не перевелъ стрѣлки. И онъ покорился своей участи безъ ропота, безъ сопротивленія; онъ былъ тихъ и молчаливъ, какъ убитый.»

Ясно, что здѣсь сознаніе собственной виновности непосредственно основывается на нравственномъ чувствѣ, а не сознаніе сказало стрѣлочнику, что онъ виновенъ въ убійствѣ четырехъ человѣкъ; слѣдовательно, и совѣсть нужно бы назвать не сознаніемъ, а непосредственнымъ нравственнымъ чувствомъ, какъ это и дѣлаютъ многіе. Въ виду подобныхъ фактовъ не удивительно, что вмѣстѣ съ учеными и народная рѣчь говоритъ о совѣсти, то какъ о сознаніи, то какъ о чувствѣ, то какъ объ инстинктивномъ стремленіи. Если бы совѣсть не являлась во всѣхъ этихъ формахъ, то, очевидно, ни народное воззрѣніе при всей своей не научности, ни ученые мыслители не могли бы подмѣтить ихъ, такъ какъ не было бы повода для этого, а слѣдовательно не могло бы быть и рѣчи о проявленіи совѣсти во всѣхъ этихъ формахъ, слѣдовательно, въ виду приведенныхъ данныхъ, мы должны сказать, что нравственно-психологическая жизнь человѣка не даетъ права отождествлять совѣсть съ сознаніемъ.

Теперь посмотримъ, можно ли отождествлять ее съ разсудкомъ и практическимъ умомъ. — Въ своей антропологии Ушинскій пред-

(*) Тамъ—же, стр. 44—45.

метаи разсудочной дѣятельности считается: 1) образование по-
 нятий, 2) составленіе сужденій, 3) выводъ умозаключеній, 4) пости-
 женіе предметовъ явленій, 5) постиженіе причинъ и законовъ
 явленій и 6) устроителство системъъ науки и практическихъ
 правилъ для жизни. (*), Въ теоріи, говоритъ онъ въ дру-
 гомъ мѣстѣ, можно еще и жить однимъ разсудкомъ; но выс-
 шая практическая дѣятельность требуетъ всего человека, и сле-
 довательно требуетъ руководства разума. (**). А если такъ, то,
 кажется, нѣтъ нужды и говорить о различіи разсудка и совѣсти
 потому, что оно очевидно само по себѣ. Ибо, тогда какъ пер-
 вый — дѣятельность по преимуществу теоретическая, вторая — чисто
 практическая, первый находится подъ властію разума, а вторая,
 еще по сознанію древнихъ и по признанію новыхъ мыслителей,
 въ области своей дѣятельности пользуется такою властію, кото-
 рая даетъ ей полное право строго наказывать это непослушаніе
 своимъ требованіямъ. Этого уже достаточно, чтобы видѣть всю
 несостоятельность отождествленія разсудка и совѣсти. Кроме того,
 нѣкоторые авторитетные психологи считаютъ разсудокъ не са-
 мостоятельною психологическою способностію, а лишь добью какъ
 процессомъ сравнивающей и различающей дѣятельности. (***)
 Разумъ, говоритъ Ушинскій, есть результатъ сознанія душою
 своихъ собственныхъ разсудочныхъ процессовъ въ ихъ неограни-
 ченныхъ стремленіяхъ и въ ихъ ограниченныхъ результатахъ.
 Разумъ, продолжаетъ онъ, мы называемъ основою и практиче-
 ской дѣятельности человека. (****) Разсудокъ есть плодъ сознанія
 разумъ — плодъ самосознанія. (*****) Значитъ, разумъ есть тотъ
 актъ душевной дѣятельности, который, основываясь на самосо-
 знаніи, заправляетъ практическою дѣятельностію, дѣлаетъ ее

(*) Человекъ, какъ предметъ воспитанія, изданіе 2, СПб. 1871 г. томъ 1-й
 гл. 31.

(**) Тамъ же, 49.

(***) Смotr. Ульрици, тѣло и душа, стр. 620—621.

(****) Человекъ, какъ предметъ воспитанія, т. 1-й гл. 49. Слич. курсъ опыт-
 ной Психологіи И. Чистовича СПб. 1868 г. 82 ст.

сообразною съ высшими, благородными стремлениями духовной природы человека; следовательно, этот разумъ есть именно то, что обыкновенно называютъ идеальнымъ въ насъ человекомъ, какъ выраженіе высшей, идеальной природы человека. Нѣтъ сомнѣнія, что эта идея или идеальный человекъ требуетъ единства и цѣльности въ нравственной жизни и составляетъ это противодѣйствіемъ одностороннему эгоизму желаній и страстей, которыя выставляютъ одну лишь сторону человека, часть вмѣсто цѣлаго. Есть много шансовъ для того, чтобы отождествлять совѣсть съ такъ понимаемымъ умомъ или разумомъ. Голосъ совѣсти въ этомъ случаѣ будетъ представляться выходящимъ изъ самой глубины человѣческаго существа съ полнымъ вѣдѣніемъ своихъ требованій. Какъ выраженіе идеальнаго человека, совѣсть въ отношеніи къ эмпирическому, несовершенному человеку дѣйствительности будетъ являться повелѣвательною или осуждающею, побуждающею или противодѣйствующею силою; вмѣстѣ съ этимъ она необходимо явится стражемъ воли и всѣхъ вообще стремленій человека, какъ охранитель единства нравственной жизни, которое возможно только въ томъ случаѣ, если эмпирический человекъ подчиняется идеальному человеку. Нѣтъ сомнѣнія, что сходство здѣсь весьма существенное. И, намъ кажется, можно указать только одинъ существенный недостатокъ въ этомъ пониманіи совѣсти, — именно недостатокъ авторитета для ея величественнаго, ты долженъ. Высшая, идеальная природа нашей души можетъ проявляться только, какъ внутренняя природная сила, которая старается проложить себѣ дорогу въ противоположность нашей низшей природѣ; следовательно, въ какой бы формѣ ни проявлялась эта сила, въ формѣ ли самосознанія и разума, или въ формѣ чувства и инстинкта, все таки она будетъ выраженіемъ только моей же собственной природы, природы, способной ошибаться. А въ такомъ случаѣ она не въ состояніи будетъ высказать такого могущественнаго приказанія, которое бы имѣло власть не только въ человекѣ, но и надъ чело-

вѣкомъ. Внутренняя борьба здѣсь конечно необходима; но эта борьба есть не болѣе, какъ вздохи чистаго, благороднаго существа — и только. Овладѣть же нисшимъ, эмпирическимъ я разумъ едва ли можетъ потому, что онъ не имѣетъ вполне твердаго основанія для авторитета, такъ какъ онъ выражаетъ собою индивидуальный элементъ человѣческой природы. Между тѣмъ карающій голосъ совѣсти бываетъ особенно страшенъ для человѣка, потому что сама-то она представляется человѣку какимъ то вѣшнимъ, объективнымъ элементомъ. Въ этомъ случаѣ, кажется, вполне справедливы слова Горлеса: „то, что противорѣчитъ мнѣ, или соглашается со мною, хотя находится во мнѣ, однако же отлично отъ моего, я.“ И все таки я знаю, что эти мысли (возбуждаемыя вліяніемъ совѣсти) не отъи пришли, а возникли во мнѣ, изъ внутри моего духа.“ Да, наконецъ, и то нужно сказать, что при такомъ пониманіи совѣсти едва ли возможно избѣгать противорѣчія съ дѣйствительностію. Ибо, если совѣсть есть разумъ, а разумъ есть плодъ самосознанія, то, значить, необходимо допустить, что чѣмъ развитѣе человѣкъ, тѣмъ и совѣстливѣе, и на-оборотъ; въ такомъ случаѣ, нужно будетъ сказать, что мужчины, какъ болѣе развитые, (*) совѣстливѣе женщинъ. Но правда ли это? „Опытъ доказываетъ говорить Ульрици, что есть люди, обыкновенно мужчины, которые относительно права или неправа (въ юридическомъ смыслѣ) выказываютъ весьма твердую, вѣрную и строгую совѣсть; напротивъ, въ правственныхъ дѣлахъ — весьма шаткую, слабую и податливую совѣсть; между тѣмъ какъ среди женщинъ нерѣдко встрѣчается противоположное обстоятельство.“ (**)

(Продолженіе будетъ).

Вызовъ пастыря церкви на просвѣтительную дѣятельность.

Подъ этимъ заглавіемъ въ Подол. Епар. Вѣд. напечатана слѣ-

(*) Слич. Тѣло и душа, 431—433 стр.

(**) Тамъ-же, с. 662.

дующая, наводящая на очень серьезные размышленія, замѣтка. Въ Кіевлянинѣ мы прочли слѣдующее извѣстіе объ одномъ интересномъ фактѣ въ религіозномъ отношеніи (*). Въ селѣ Святищивкѣ, Кременчугскаго уѣзда, Полтавской губерніи, обитаетъ богатый мужикъ, до послѣдняго времени, ничѣмъ не выдѣлялся изъ общей среды, жилъ какъ и все другіе; но вотъ случилось ему лѣтомъ побывать въ Кіевѣ, и онъ возвратился другимъ человѣкомъ. Шапка его украсилась крестомъ, какъ внѣшнимъ знакомъ его внутренняго настроенія; принесъ онъ также съ собою много священныхъ книгъ, преимущественно акаѳистовъ. Слѣдуя евангельскимъ словамъ, онъ началъ свой подвижъ благотворительностію и раздалъ много изъ своего имущества бѣднымъ. Далѣе, передаютъ, что онъ выкопалъ для себя особую землянку. Въ домѣ же своемъ, увѣшанномъ иконами, онъ читаетъ односельчанамъ разныя божественныя книги и толкуетъ ихъ; чтеніе прерывается молитвою и пѣніемъ. Какъ строгій подвижникъ, онъ преслѣдуетъ куреніе табуку и пьянство; послѣдователи его ходятъ босые, строго соблюдаютъ постъ: въ среду и пятницу со-всѣмъ не ѣдятъ, въ остальное время по одному разу въ день. Что касается церкви, то они ревностные сыны ея; не только постоянно посѣщаютъ храмъ, но желаютъ и требуютъ, чтобы все богослуженія совершались, какъ по книгамъ положено, въ должное время, безъ всякихъ сокращеній и пропусковъ. Поэтому они строго слѣдятъ за всею, что совершается въ церкви, и своимъ вмѣшательствомъ даже нарушаютъ тишину въ церкви. Являясь въ алтарь, требуютъ отъ священника сказать имъ проповѣдь; настаиваютъ, чтобы акаѳисты непременно читались предъ литургіей; уходящихъ не во время изъ церкви останавливаютъ. Во время совершенія богослуженія упомянутый крестьянинъ повторяетъ домашнее чтеніе и толкованіе. Послѣ вечерняго богослуженія крестьяне, подъ его руководствомъ поютъ: *Подъ твою милость.*

(*) Кіевл. 1878 г. № 3.

Приведенный нами фактъ указываетъ, что у нашего малоросса пробуждается религіозное самосознаніе. Хотя мы привели одинъ фактъ, но полагаемъ, что на основаніи его можно сдѣлать такое обобщеніе. Хотя каждый человекъ развивается самостоятельно, но въ тоже время—въ обществѣ, котораго стремленія, желанія и надежды носятъ въ своей душѣ. Часто случается такъ, что цѣлое общество бываетъ проникнуто новыми стремленіями, но онѣ пока бываютъ на степени темныхъ, неясныхъ инстинктивныхъ стремленій, и только въ одной какой-нибудь личности этого общества начинаютъ онѣ проясняться и достигаютъ до степени опредѣленныхъ желаній. Такая личность является руководителемъ остальныхъ своихъ членовъ, которые и слѣдуютъ за своимъ руководителемъ, потому что сознаютъ, что заявленные имъ стремленія тождественны съ ихъ стремленіями. На этомъ, вѣроятно, основывается тайна вліянія одной личности на массу: что выражаетъ одна личность общества, то есть продуктъ цѣлаго общества. Всмотритесь въ приведенный нами фактъ. Одинъ крестьянинъ заявилъ особенное религіозное настроеніе, и вдругъ много односельчанъ увлекаются его настроеніемъ и пристають къ нему. Это значитъ, что онъ угадалъ тайныя движенія ихъ души.

Хорошо, конечно, если пробуждается религіозное стремленіе; это шагъ къ нравственному усовершенствованію человека. Но должно помнить, что всякое пробужденное стремленіе требуетъ соответственнаго удовлетворенія; въ противномъ случаѣ, не имѣя правильнаго въ этомъ руководства и энергично отыскивая его, оно можетъ избрать ложный способъ къ своему удовлетворенію. Подобныя обстоятельства должны возбуждать настырей церкви стоять на стражѣ, слѣдить за тайными движеніями сердца своихъ пасомыхъ и своевременно являться на помощь.

Къ чему же стремится пробуждающееся религіозное чувство малоросса? Отвѣтъ на это вы имѣете въ приведенномъ нами примѣрѣ. Идетъ грамотный крестьянинъ въ Кіевъ, покупать

священные книги, читаетъ своимъ односельцамъ и толкуетъ; въ церкви врывается въ алтарь и требуетъ проповѣди отъ священника. Понятно чего онъ желаетъ. Онъ желаетъ сознательно понимать исповѣдываемую имъ вѣру. Онъ самъ читаетъ священныя книги, толкуетъ ихъ, но многого не понимаетъ, потому онъ врывается въ алтарь и безцеремонно требуетъ отъ священника проповѣди. Въ порывѣ своего религіознаго стремленія онъ нарушаетъ благоприличіе въ храмѣ. Но это еще меньшее зло, а худшее будетъ то, если онъ самъ превратно будетъ толковать свою вѣру, или же обратится къ проявляющимся по мѣстамъ сектантскимъ ученіямъ, занесеннымъ къ намъ съ запада. Но очевидно, ни того ни другаго не было бы, если бы онъ каждый праздникъ и каждый воскресный день слушалъ поученіе или воскресную бесѣду, объясняющую ему его вѣру и правила христіанской нравственности.

Далѣе, крестьянинъ обращаетъ вниманіе на церковное богослуженіе; но онъ не удовлетворяется имъ; потому что оно иногда небрежно исполняется. Доселѣ у насъ главное просвѣтительное вліяніе было подлинное чтеніе Слова Божія въ церкви и священное пѣніе. Но оно присутствующаго въ церкви часто не можетъ удовлетворять по слѣдующимъ причинамъ: чтеніе нашими приятниками бываетъ до того невнятно, что нельзя разслышать словъ; произношеніе не имѣетъ никакой выразительности: чтець сначала до конца держитъ свой голосъ на одной нотѣ; въ движеніи его голоса нѣтъ тѣхъ обычныхъ человѣческой рѣчи повышеній и пониженій голоса, его напряженности и смягченія; соответствующихъ ходу мыслей и преобладающему чувству. Нечего говорить, что такое чтеніе всегда производитъ непріятное впечатлѣніе на слушателей, да и мало даетъ имъ назиданія. Тѣми же недостатками обладаетъ и церковное пѣніе въ нашихъ сельскихъ церквахъ: и здѣсь, при неособенной даровитости пѣвца, не разберешь даже и самыхъ словъ церковной пѣсни. Спрашивается: какое назиданіе при такой постановкѣ дѣла можетъ

вынести крестьянинъ изъ церковнаго богослуженія?... Въ приведенномъ нами случаѣ мы замѣчаемъ протестъ и противъ этого недостатка въ нашемъ богослуженіи. Оригинально выступившій на свою проповѣдь крестьянинъ составляетъ свой кружокъ гдѣ нибудь въ углу церкви, и, во время совершенія богослуженія, повторяетъ домашнее чтеніе и толкованіе. Аккуратность посѣщенія имъ и его послѣдователями церковной службы доказываетъ, что онъ не чуждается православнаго богослуженія, но не внятное чтеніе и пѣніе причетникомъ его не удовлетворяетъ. Желая сознательно и съ пользою провести часы богослуженія, онъ поступаетъ своеобразно. Конечно, нельзя одобрить такой странной выходки упомянутаго крестьянина, но она вызывается допущенною небрежностію въ исполненіи богослуженія. Если же другіе молящіяся не выражаютъ явнаго неудовольствія на этотъ недостатокъ, то все же онъ производитъ на нихъ непріятное впечатлѣніе и самое богослуженіе не производитъ назиданія и не возбуждаетъ молитвеннаго духа, а даже, напротивъ, присутствіе въ храмѣ при плохомъ чтеніи производитъ тяжелое впечатлѣніе. Слѣдуетъ обратить вниманіе и на эту сторону нашей религіозности. Нужно озаботиться, чтобы церковное чтеніе и пѣніе производило назидательное впечатлѣніе на молящихся. А для этого необходимо потребовать отъ церковныхъ чтецовъ чтенія выразительнаго, чтобы можно было слышать и разумѣть читаемое. Церковное сельское пѣніе можетъ улучшиться чрезъ образованіе хоровъ изъ крестьянскихъ школьниковъ. Всего этого, вы скажете, трудно достигнуть. А кто говоритъ, что легко? Но должно помнить, что безъ труда ничего нельзя достигнуть. Кто задается какою нибудь цѣлю, тотъ не долженъ страшиться труда.

Наконецъ, мы видимъ, что пробудившееся религіозное сознание не ограничивается однимъ только умомъ и сердцемъ крестьянина, а простирается на его дѣятельную способность и ищетъ своего обнаруженія. Упоминаемый нами крестьянинъ читаетъ священныя книги, добивается понять ихъ смыслъ чрезъ толкованіе, состав-

ляетъ у себя молитвенное собраніе, похожее на богослуженіе, и въ тоже время рѣзко отмѣняетъ свой образъ жизни, онъ становится аскетомъ и къ этому возбуждаетъ своихъ послѣдователей односельчанъ. Чувствуетъ онъ, что полуживотная жизнь, подъ вліяніемъ грубаго порока пьянства, не гармонируетъ съ тѣмъ, что онъ вычиталъ изъ священныхъ книгъ и дѣлаетъ рѣзкій переходъ—совершенно отрицаетъ употребленіе вина. Желая загладить грѣхи чувственности прошедшей жизни, онъ задается аскетическою жизнію, неподходящею къ семейной и трудовой жизни крестьянина. Почему же это такъ случилось? Потому что онъ не уразумѣлъ идеала христіанскаго, который различно отражается въ различныхъ сторонахъ человѣческой жизни. Онъ не зналъ, въ какомъ видѣ должны выразиться требованія христіанскія въ его семейной жизни, а изъ читаемыхъ книгъ узнаеть, что люди благоугождали Богу, совершенно отрѣшившись отъ міра, избравши для себя жилище въ пустынѣ, вдали отъ людей, и, не находя для себя такого мѣста на поверхности земли, онъ ищетъ для себя уединенія въ ея глубинѣ и тамъ устрояетъ свою келлію. Онъ избралъ отшельническую жизнь, не совмѣстную съ его семейною жизнію, потому что не зналъ, что отшельническая жизнь есть только одинъ изъ путей ко спасенію для людей, несвязавшихъ себя условіями жизни семейной, но что человѣкъ можетъ благоугождать Богу, живя въ мірѣ, если только будетъ по христіански вести свою жизнь и добросовѣстно исполнять обязанности, возлагаемыя на него обществомъ, и потому то онъ построилъ свой идеалъ нравственной жизни, который стремился осуществить, не смотря на то, что шелъ въ разрѣзъ съ бытомъ семейной жизни.— Не вызываютъ ли подобныя явленія пастырей церкви на проповѣдь, объясняющую простому народу правильный по христіански образъ жизни, не измѣняя условій своей семейной и общественной жизни?!

Мы сказали, что пробуждающееся самосознаніе народа, вслѣдствіе распространенія между нимъ грамотности, обнаруживается

религіозными проявленіями. Это даетъ урокъ пастырямъ церкви, что вмѣстѣ съ общимъ развитіемъ народа при посредствѣ грамотности должно ити и развитіе религіозное. Подобное вышеозначенное нами проявленіе религіозной жизни въ крестьяннѣхъ полтавской губерніи есть знаменіе времени, показывающее, что должно быть усилено просвѣтительное вліяніе христіанской проповѣди. Нужно ити на встрѣчу пробудившемуся религіозному стремленію и дать ему правильное удовлетвореніе, если не хотимъ видѣть печальныхъ послѣдствій, въ видѣ проявленія какого нибудь сектантства, а потомъ вступать въ борьбу съ нимъ.

СОДЕРЖАНІЕ. I. *Отдѣлъ оффиціальныи.* Распоряженія Высочайшаго правительства 1. Высочайшія награды и назначенія. 2. Указъ объ увеличеніи пенсіоннаго Кредита духовнаго вѣдомства на 9536 рублей. Епархіальныя извѣстія: объявленіе о праздныхъ мѣстахъ. Отъ правленія Новочеркасскаго духовнаго училища. II. *Отдѣлъ неоффиціальныи.* 1. Слово въ честь Ваіи. 2. Слово въ день рожденія Государа Императора. 3. Понятіе о совѣсти съ психологической стороны. 4. Вызовъ пастыря на просвѣтительную дѣятельность.

Редакторъ, преподаватель Семинари Александръ Гиляревскій.

Печатать дозволяется: Цензоръ, протоіерей Григорій Прозоровскій. Новочеркаскъ. Мая 15 дня 1878 года.

Печ. въ Типогр. войска Донскаго Типографіи. Мая 15 дня 1878 г.